DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-35-44

УДК 316.012

А. Толеш

Массовизированные процессы в кризисную эпоху: проблема управления

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.

Тилемахида

Аннотация:

Кризисность современного мира разворачивается на фоне проблем, которые характерны для массовизированного общества. Рассматривается феномен поведения толпы и способы управления ею. Это имеет практическую значимость для выработки адекватных мер, способных предотвратить катастрофические последствия массовизированных агрессивных состояний, когда протестные настроения масс запускают различные кризисогенные формы поведения. Анализируется феномен харизматического лидерства в аспекте механизмов влияния харизмы на массовое сознание. Делается вывод о том, что, отвечая представлениям масс, мифологизированная харизма в сегодняшнем мире может становиться манипулятивным механизмом, сознательно запускающим организацию массовизированных инстинктов, что усиливает риски социальной конфронтации и агрессии.

Ключевые слова: массовизированное общество, харизма, миф, толпа, агрессия, протест

Об авторе: Толеш Айнеш, политолог, главный редактор республиканской общественной газеты «Не Хабар», учредитель и директор ТОО «Al-Farabi Education Business Academy», Казахстан; эл. почта: toleshaiya@gmail.com

Введение

Культурная ситуация современности воспринимается (и таковой является) как кризисная. Информационно-коммуникационная зависимость замкнула мир: все общественные проблемы становятся мировыми проблемами, а массы – решающим фактором происходящих событий. Это показали протестные процессы последних месяцев в Белоруссии, Казахстане, на Кавказе, в России, Европе, США. Пандемия коронавируса, охватившая все страны мира, не только послужила триггером для развития многочисленных застарелых проблем, таких как состояние систем здравоохранения, проблемы неравенства и др., но и стала

стартом для формирования новых конфликтующих структур, которые пока лишь обозначились в спектре меняющегося мира.

Методология

Проблема массовизированного общества была обозначена в работах целого ряда крупных мыслителей XX в. и начала XXI в. Овеществление, омассовление (К. Мангейм), «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет, Э. Каннети), основанные на отчужденности человека от себя, кризис идентичности личности, манипуляция человеческим сознанием – основные сюжеты исследовательских работ. Одним из видных отечественных исследователей, аккумулировавших вопросы поведения толпы и способов управления ею, был А. П. Назаретян [11; 12; 15]. Вот как определяет он толпу. Это – «скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием» [15, с. 16]. Представляется важным и выделение им четырех видов толпы: окказиональная толпа (т.е. случайная), конвенциональная толпа (собирается по поводу заранее объявленного события), экспрессивная толпа (ритмически выражающая ту или иную эмоцию – радость, энтузиазм, возмущение и т.д.) и, наконец, действующая толпа (политически наиболее значимый и опасный вид стихийного поведения). Последняя имеет несколько подвидов: агрессивная толпа, паническая, стяжательная и повстанческая [15, с. 24-28].

Мы полагаем, что, хотя сам автор пишет, что такая классификация весьма условна, понимание различий в формах толпы функционально полезно. В первую очередь, в практическом плане, когда речь идет о необходимости адекватных мер, способных предотвратить катастрофические последствия массовизированных агрессивных состояний, когда протестные настроения масс запускают различные кризисогенные формы поведения. Например, манипулирование жестким делением на своих и чужих, «нефтяников» и «других», создало предпосылки для протестных настроений нефтяников в Казахстане, что закономерно привело к трагическим событиям декабря 2011 г. Еще одним важным для практических действий свойством массы является способность толпы к превращению из одного вида в другой, что может происходить и спонтанно, и умышленно, посредством манипулятивных техник.

«Защитный пояс» национального социокода

Свою роль в росте агрессивных состояний в последние десятилетия XX-XXI вв. в разных точках мира сыграло то, что «защитный пояс» социокода наций подвергся

значительным трансформациям под влиянием сложнейших процессов социокультурной реальности, изменивших пространственно-временные характеристики и порядок экономических, политических, культурных взаимодействий между народами, вызванных информационно-технологическими новациями [1, с. 173].

Анализ кризиса идентичности и симптомов регрессии западноевропейской культуры показывает, что в европейских странах разворачивается экспансия идеологий и практик национализма, включая его крайнюю форму – нацизм. Об этом свидетельствуют «рост популярности расистских идей в гуманитарном знании (к примеру, концепции «рас как особых исторически сложившихся форм культурной солидарности»», расширение зоны применения расистских моделей восприятия «другого» (в том числе и в государственной политике ряда стран, осуществляющих дискриминацию по этническим критериям) и всплеск интереса к идентичностям по критерию «почвы и крови», поддерживаемого властными структурами» [6, с. 189]. Исследование современных политических текстов также показало заметное увеличение частоты встречаемости слова «*против*» при каждом упоминании о международном соглашении или единстве с указанием на врага, «против» которого следует объединиться. «Эта психическая эпидемия, сопровождаемая признаками интеллектуального и духовного регресса, отчетливо диагностируется в последние десятилетия» [13, с. 125].

Рост протестных настроений, а тем более регресс к «черно-зеленой» разновидности политического терроризма в настоящее время не может не настораживать. Анализ эволюции внутрисирийского конфликта, вокруг которого разгорелись геополитические страсти, втянувшие десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, страны Европы, Россию и др., позволил многим независимым ученым сделать вывод о нарастании волны кризисов и превращении ее в глобальную катастрофу [13, с. 160].

То есть, в современном глобальном мире механизмы диссоциации начинают доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военными. Звучат прогнозы, согласно которым на фоне кризиса идентичности и регрессии западноевропейской культуры к середине XXI в. может наступить фаза «динамического хаоса» [19]. В таких бифуркационных точках незначительные факторы могут повлечь за собой неожиданно серьезные последствия. История всего мира начинает зависеть от мельчайших деталей, в том числе от решений, принятых отдельными личностями.

Анализируя «арабскую весну» в мировом контексте, современные российские исследователи приходят к выводу о том, что нередко революции происходят именно во вполне успешных обществах [5]. Такой успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся источником социального протеста. А в свою очередь, многоликий образ лидера, отвечая

архетипам коллективного бессознательного (стремление к защищенности, к интеграции, к подчинению, потребность в идентификации и любви), может быть использован в качестве внутреннего механизма влияния и осуществления власти политических лидеров разных уровней, а также террористических организаций для объединения и сплочения масс вокруг навязанных целей и идеалов, вызывая протестные настроения масс.

Харизматическое лидерство и массы

Сложность и неоднозначность проблемы требует обращения к одному из возможных внутренних механизмов влияния на события XXI в., порождающих массовые настроения, которые, как раз и возникают, по словам М. Вебера, на «изломах истории». Мы имеем в виду феномен харизматического лидерства, феномен, который в разные исторические времена был использован как сознательно проводимая организация массовизированных инстинктов.

Среди предпосылок харизматического лидерства известный французский психолог С. Московичи называет слом существующего социального уклада, разрушение верований, разочарование в традиционных установках, которые в свою очередь приводят к уменьшению контроля над внутренними импульсами отдельно взятых личностей и масс в том числе: «Массы ищут, сами того не понимая, человека, способного оказать влияние на ход вещей, перевернуть существующий порядок, ощущаемый как беспорядок и привести свое общество к настоящей цели» [10, с. 131].

Потребность в харизме проявляется также тогда, «когда на повестку дня выносятся вопрос о смысле существования общества и когда прежние формы господства потеряли свою значимость. Как правило, это имеет место при некоторых внутренних или внешних чрезвычайных ситуациях в общественной жизни той или иной страны (война, голод, экономический или политический кризис)» [4, с. 70]. Кризисная ситуация дает возможность лидеру регламентировать разные сферы жизни общества, налагать табу на определенные отношения, создавать под себя новые законы, которые должны содержать ответ на вызов, брошенный той или иной эпохой. Харизма служит признаком кризиса традиционных структур, агонии традиционной психологии, «она отражает движение части утративших стабильность масс и является обреченной на крах попыткой примирить непримиримое – объективную потребность в модернизации общества с сохранением и искусственным оживлением традиционных социальных институтов» [18, с. 342].

Как показали многочисленные независимые исследования, в странах, где потребность в харизме была наиболее велика, как правило, имели место слабые демократические традиции. Это означает, что мы сталкиваемся с взаимодействием харизматичных лидерских

способностей и условиями определенной среды, в которой находится лидер, способный ощущать пространство для маневра и превращать создавшуюся ситуацию в ситуацию, дающую ему возможность влиять на действительность.

Модель, описывающая предпосылки социальных беспорядков сегодня является основанием для пересмотра устаревших представлений об экономической детерминации протестных настроений и политических конфликтов. С приближением кризисной фазы собственно экономические мотивации уходят на задний план и реальным мотивом служат личные, национальные, партийные и прочие настроения масс наряду с эмоциональными импульсами лидеров, которые часто проявляются на бессознательном уровне. Причем, и те и другие «рационализируют бессознательные импульсы аффективной агрессии» [14, с. 115-129]. В свою очередь политические авантюристы, жаждущие власти, искусственно могут создавать чрезвычайные ситуации как средство взятия под контроль государственных функций, затягивая мнимые кризисы с целью сохранения своего контроля.

Каков механизм подобного процесса? Человечество шагнуло в эпоху массовых обществ и человека-массы, объединенных коллективной душой и духовным единством, представляя собой потенциальную энергию всех социальных и общественных движений. Если субъектом обыденного сознания выступает масса, образовавшаяся стихийно (толпа) или сознательно (большая группа людей, объединенная организационно, идейно и т.п.), то на первый план в ее духовном содержании выступает иррациональное начало: эмоции, неосознанные или бессознательные установки, что приводит к возрастанию роли иррационального. Здесь и выходит на первый план харизма, основанная на групповых конфронтациях, а значит, она может быть использована как одна из платформ идеологических игр.

Но почему массы готовы подчиняться власти харизматичной личности? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо, прежде всего, разобраться в механизмах влияния харизмы на массовое сознание.

М. Вебер, как известно, заметил, что харизма как высший авторитет и механизм влияния, выделяет лидера из массы, окрашивает будни масс в необычайно яркие тона, актуализируя привлекательные идеалы будущего, вопреки рутине повседневности [2].

Один из механизмов почитания или культа героя или вождя может быть рассмотрен в категориях «гражданской религии», т.е. видение мира через мифы и символы, осуществление своих надежд и страхов через ритуальные и литургические действия [3, с. 8].

Современные исследователи констатируют, что социальное мышление современного человека вернулось на мифологический уровень. В свою очередь, механизмы воспроизводства

харизмы в обыденном сознании сформированы в далеком прошлом, которые как раз и осуществляются через миф, архетип, символ, фольклор, ритуал. Давно стало очевидным, что инерция идеологического мышления, всегда разделяющая людей на «своих» и «чужих», обусловлена «проективной» ролью межгрупповых напряжений. Ментальные матрицы «свой» - «чужой», «мы» и «они» испокон веков задавали вектор военных, политических, конфессиональных и классовых разногласий. Поэтому «из отношений «мы» и «они» соткана всемирная история» [17, с. 128].

Как известно, К. Юнг называл мифологию коллективной психикой. Понятие архетипа отражает тот факт, что в психике человека, помимо последствий личного опыта, присутствуют вездесущие представления. По Юнгу, уже с самых древних времен человек знает об опасности, таящейся в его душе, поэтому обычаи религиозного, мистического характера нужны ему для того, чтобы уберечь себя от опасности и одновременно от бессилия и одиночества [23, с. 97-98]. Вот как об этом же пишет Э. Фромм: «...сознавая свою отдельность, сознавая – пусть даже очень смутно – неизбежность болезней, старости и смерти, человек не может не чувствовать, как он незначителен, как мало значит в сравнении с окружающим миром, со всем тем, что не входит в его «я»... Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла его жизнь и придавала ей смысл...». Одновременно с этим Фромм добавляет: «Не существует ли – кроме врожденного стремления к свободе – и инстинктивной тяги к подчинению?» [20, с. 126].

Влечение человека к совместной жизни заложено в нем, видимо, генетически. При этом замечено, что общество частью которого человек становится по мере социализации, для людей воплощается в виде каких-либо объектов, символов, лиц. Именно они наделяются прерогативой власти, слияние с которой человек может реализовать в разных формах – от согласия с лидером, олицетворяющим власть до преклонения перед ним. Причем лидер при этом не должен иметь обычные человеческие качества, так как лидер, вождь, герой в представлении масс на уровне древних верований ассоциируется с потусторонними силами.

Таким образом, можно говорить о том, что миф – это духовная среда, в которой формируется харизма. Другими словами, миф есть форма бытия харизмы. Миф и харизма не могут существовать раздельно в общественном сознании. Мифологизация образов великих личностей, героев, вождей в истории общества – характерная особенность обыденного сознания. Харизматические отношения, ярко проявляющиеся, например, в религиозных действиях, ритуалах, расширяют духовный опыт человека, который придает особый смысл повседневной жизни. А ритуалы, в свою очередь, одновременно усиливают влияние харизмы.

Хорошо известно связывание ритуала с мифологическим мышлением. Согласно Дж. Фрэзеру, магическое, а значит, и мифологическое мышление основывается на двух принципах: принципе подобия и принципе соприкосновения или заражения [21]. Примечательно, что ритуал воспринимается как наиболее ранний уровень мифа. Но миф, в отличие от ритуала, полагает отрыв повествования от действия, одновременно являясь «архаичной фигурой ментальности». В ритуале «происходит отчуждение человека от собственной личности и возникает ощущение незримого Божественного присутствия либо присутствия божественных сил» [16, с. 13]. Как замечает Леви-Стросс, «ритуал... образует союз (можно сказать, общность) или, во всяком случае, органическую связь между двумя группами (совпадающими в пределе одна – с персонажем служителя культа, а другая – с коллективом верующих), которые вначале были разделены» [8, с. 138-139]. Таким образом, использование ритуальных коллективных действий не только усиливает влияние харизмы, помогая сплотить и объединить массы вокруг каких-то целей и идеалов, но и дает возможность человеку в массе осознать себя частью целого.

В XX в. к светским воплощениям религиозной системы представлений многие относят социалистическую и националистическую идеи. Образ лидера как в Германии, так и в России выполнял роль религиозного символа в восприятии масс в категориях вездесущности, бессмертия и совершенства великого героя (вождя), что уже явно указывает на механизм влияния харизмы как сознательно проводимой организации массовизированных инстинктов.

Еще Г. Лебон отмечал, что механизм веры толпы основан не на стремлении к свободе, а на потребности в подчинении: «Толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властителем», – указывал Г. Лебон [7, с. 196-197]. Становясь объектом в отношениях господства и подчинения, почитая и обожествляя харизматического лидера, массы теряют свою идентичность, в частности, перекладывая свою ответственность за данную ситуацию на так называемого вождя. При этом толпу мало интересует, что реально представляет собой лидер, ей важно то, чем он кажется, и что предъявляет людям.

Лебон, Тард, Московичи и многие другие исследователи отмечали, что для масс важна личностная, эмоциональная общность с харизматичной личностью. И такую сильную, объединяющую функцию выполняет харизма вождя, которая усиливается с помощью влияния символа или культа отца, как неотъемлемая составляющая ситуационного и исторического сознания масс. Вебер называл возникавшие в результате единения вождя и массы чувства «эпилептическим экстазом», показывая, что харизма, символизирующая собой нечто мистическое, магическое и неопределенное, усиленная мифами и ритуальными действиями,

нерасторжима с феноменом масс. Мы прекрасно знаем эти примеры из истории России, Германии, Китая, других тоталитарных режимов. Так, «Гитлер воспринимался, прежде всего, как воплощение национального возрождения, выразитель национального духа, защитник нации от врагов» [3, с. 21]. В своем знаменитом интервью с Х. Никербокером на вопрос, почему Гитлер, который невольно заставляет каждого немца обожествлять его, не производит никакого впечатления на иностранцев, К. Юнг замечает, что это происходит потому, что для всякого немца Гитлер является зеркалом его бессознательного, в котором не для немца, ничего не отражается: «Он рупор, настолько усиливающий неясный шепот немецкой души, что его может расслышать ухо ее бессознательного» [22, с. 555]. Как известно, образ Ленина имел также значение национального символа для широких масс – как это ни удивительно – на фоне распространенного бытового антисемитизма.

Важнейшая роль в символизации харизматизма принадлежит пропаганде, как воздействию механизму, призванному усыпить способность к критическому мышлению: «Пропаганда применяет те же способы, что и реклама, которая апеллирует не к разуму, а к чувствам», - подчеркивает С. Московичи [9, с. 103]. Он выделяет три основных механизма влияния в стратегии пропаганды: представление, церемониал, убеждения. Пространство представления, по мнению Московичи, должно быть ограниченным – соборы, стадионы, дворцы, площади. Церемониал с его знаменами, песнями, изображениями должен мобилизовать и сплотить массы. Представление, церемониал, как механизмы влияния, призваны создать у масс автоматизм, вести людей в гипнотическое состояние.

А. М. Вебер на первое место по значимости среди качеств лидера помещает волю и умение зажигательно говорить, но «определяющей ... является власть демагогической речи...» [2, с. 680].

Вывод

Острота переживаемых политических или социальных протестных настроений, их интенсивность стимулируют мифологизированные массовые представления о том, каким должен быть харизматичный лидер. Отвечая представлениям масс, мифологизированная харизма в современном мире может становиться манипулятивным механизмом, сознательно запускающим организацию массовизированных инстинктов, что усиливает риски социальной конфронтации и агрессии.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Националистический поворот: от консолидации к конфликту // Социальная политика и социология. 2019. Том 18 № 2 (131). С. 172-180.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6.
4. Грехнев В.С. Харизматическое сознание в политическом выборе россиян // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1996. № 6.
5. Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015. 384 с.
6. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Между национализмом и империей. Драма выбора западноевропейской цивилизации // Историческая психология и социология истории. 2016. №1.
7. Лебон Г. Вожаки толпы // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. Самара. 1999.
8. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
9. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии. 1996. 117 с.
10. Московичи С. Психология харизматического вождя // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. Самара, 1999. 432 с.
11. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
12. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1996.
13. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Аргамак-Медиа. 2016. 260 с.
14. Назаретян А.П. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С.115-129.
15. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании: Учеб. пособие. М., Издательский центр «Академия», 2005. 160 с.
16. Петренко В.Ф., Карнацкая Л.А. Ритуал как социально-психологический феномен, его природа и культуuroобразующий смысл // Мир психологии. 2003. №1 (33).
17. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
18. Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., Наука, 1975. 384 с.

19. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2020. 228 с.
21. Фрэнклер Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ, 1998. 784 с.
22. Юнг К. Диагностика диктаторов // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. Самара. 1999.
23. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 262 с.

Tolesh A. Massive Processes in a Crisis Era: The Problem of Management

The crisis of the modern world is unfolding against the background of problems that are characteristic of a mass society. The phenomenon of crowd behavior and methods of managing it are considered. This is of practical importance for the development of adequate measures that can prevent the catastrophic consequences of massive aggressive states, when the protest moods of the masses trigger various forms of crisis-related behavior. The phenomenon of charismatic leadership is analyzed in the aspect of the mechanisms of influence of charisma on the mass consciousness. It is concluded that, in response to the ideas of the masses, mythologized charisma in today's world can become a manipulative mechanism that deliberately launches the organization of massive instincts, which increases the risks of social confrontation and aggression.

Key words: mass society, charisma, myth, crowd, aggression, protest